

спустя два сезона...

БЛАГОРОДНАЯ МАНЕРА. Утонченность. Чувство формы... О ком это? О Бессмертной и Лавровском. О молодых артистах, только что окончивших балетную школу ГАБТа.

Благородная манера. Утонченность. Чувство формы... О ком это? О Бессмертной и Лавровском. О молодых артистах, только что выступивших в центральных партиях «Жизели».

Между двумя абзацами прошло два сезона. Первый, опубликованный в «Неделе» 25. VI—1. VII 1961, открывал «Начало». Начало сценической жизни двух выпускников хореографического училища. Второй открывает разговор о самом ответственном их дебюте за минувшее время.

«Жизель» требует благородной манеры танца, утонченности, чувства формы. И все эти качества, сызнала присущие Бессмертной и Лавровскому, в какой-то мере проявились сейчас.

«Сейчас» — это не только неделю назад — в вечер дебюта. Это спустя два сезона и в течение двух сезонов, когда происходило и сегодня, разумеется, продолжающееся становление индивидуальности исполнителей. Наталия Бессмертна танцевала сравнительно мало. Слишком мало.

А между тем даже в «двочках» и «трочках» начинающая танцовщица обращала на себя внимание. Ровно два года назад она дебютировала в виллисах «Жизели». Впервые выступление ее было встречено аплодисментами. Крошечная вариация вдруг оказалась большой и значительной.

И не случайно наиболее серьезные на Западе балетные критики — англичане (вместе с Большим Бессмертна и Лавровский уже побывали в США, Канаде, Великобритании) обратили на нее внимание, даже когда она была на сцене в массе. «...Здесь было подлужины превосходных исполнителей и по крайней мере одна — потенциально великая. Она возникла в кордебалете, как нарождавшаяся луна среди звезд. Ее имя — Наталия Бессмертна».

Излагая эти, скажем прямо, несколько преувеличенные восторги (похвалы Лавровскому столь же велики), следует подчеркнуть два обстоятельства: в юной артистке угадывался потенциальный талант; зарубежные обозреватели восхищались прежде всего теми работами, к которым Бессмертна начинала готовить Галина Уланова.

Увы, только начинала.

Если бы замечательная балерина имела возможность вышколить Бессмертна (а именно вышколенности ей больше всего не хватало по выходе из училища и не хватает сегодня), привить ей предельную собранность в танце, развить ее интуитивный вкус, то все остальные свойства дебютантки заиграли бы гранями брильянта, отшлифованного великим мастером.

И вот тогда Жизель оказалась бы не про-

сто успехом одаренной и многообещающей артистки, а подлинным шедевром.

Итак, шедевра не было. Была несколько странная, для нашей сцены, пожалуй, вовсе неприемлемая, «западническая» трактовка первого акта, застилованный, архаичный рисунок танца. Здесь вряд ли повинна исполнительница: ее опыт еще так мал, что привить ей несамостоятельное решение образа, как мы видели, ничего не стоит. А ведь Бессмертна по самой сути своего дарования русская: духовная сложность, глубина, своеобразие — вот что можно, нужно и легко в ней развивать! Это приняли даже на Западе, назвав ее нашим национальным сокровищем.

Во втором акте, где Жизель, бесплотная тень потустороннего мира, спасает от смерти своего неверного избранника — графа Альберта, Бессмертна много лучше. Протяженность ее прыжка, красота линий, одухотворенность облика — много ли надо для восхищения зала и бурных оваций?

Не так уж мало.

Ура!

Повременим.

Повременим так же, как и тогда, в «Неделе» более чем двухлетней давности. Ибо спустя два сезона мы не увидели в Бессмертной того, что могли и должны были увидеть в балерине с такими феноменальными природными данными.

Повременим даже у Лавровском. «Даже» здесь написано потому, что его профессионализм оказался высоким и подлинным. По-

тому что сценически и танцевально, несмотря на недостаток поэтичности, столь необходимой в романтическом балете, он провел сложнейшую партию Альберта, как у нас принято говорить, на высоком уровне.

Лавровский заслужил свою популярность и успех, в частности в «Жизели», работой — самым лучшим средством обретения разнообразных достижений и на театре. Конечно, «при наличии таланта»... А талант есть. Так за чем же дело стало?

Опять-таки за работой. Альберт хорош. И в первом появлении молодого сеньора, преодетого простолюдином, и во время первого свидания. Туры Лавровского и Бессмертной легки и красивы так же, как большинство прыжков. Но в них порой неожиданно тяжелые «приземления»: ведь тень Жизели, да и Альберт, хотя он не умер, должны двигаться совершенно бесшумно; вот где необходимо «состояние невесомости» на сцене.

А достичь ее можно только трудом. Однообразным. Изнурительным. До седьмого пота...

И трудом творческим. Искать разнообразия сценических красок. Добиваться, чтобы герои разных балетов были по возможности совсем разными.

Тяжело? Безусловно. Но только обыватель не знает, что балет — трудное искусство.

Но и прекрасное! И самое прекрасное в нем — движение, стремление к совершенству.

Анна ИЛУПИНА.

Наталия Бессмертна и Михаил Лавровский в спектакле «Жизель».

Фото Л. Жданова.